

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ!

1917-1966

ЛИТЕРАТУРНАЯ Орган Газета правления Союза писателей СССР

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ГОД ИЗДАНИЯ 38-й
№ 131 (4054)
СУББОТА,
5
НОЯБРЯ
1966 г.
ЦЕНА 4 коп.

Вручение Государственных премий РСФСР 1966 года

В Доме приемов 4 ноября состоялось вручение почетных знаков и дипломов «Лауреата Государственной премии РСФСР».

Член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров РСФСР Г. И. Воронов выступил с речью, тепло поздравил первых лауреатов Российской Федерации и вручил им почетные знаки и дипломы. Большая группа писателей, художников, музыкантов, артистов, работников кино получила премии имени М. Горького, Н. Репина, М. Глинки, К. Станиславского и братьев Васильевых.

От имени лауреатов выступил народный артист СССР композитор Д. Б. Кабалевский. (ТАСС)

О СЕНЬ нынешнего года, как задержавшееся на ветке яблоко, все еще переживает яркими красками, хотя и пронизано уже ее первые морозы. Эта осень — особая, как бы оставившаяся в раздумье перед последним перепоном времени, которым завершится полувековой отрезок пути необозримой эры Октября на нашей планете.

И в эту осеннюю пору — пору собирания плодов — возникает естественная потребность подумать прежде всего о том, что сделано, что достигнуто. Об этом сегодня думают советские люди, на всех участках труда.

Мы живем под впечатлением грандиозных перспектив, открывшихся после знаменательных решений XXIII съезда КПСС. Начала свой могучий шаг по стране новая пятилетка, существенно приближающая нас к практическому воплощению самой светлой мечты человечества.

Мне кажется одним из самых отчаянных явлений нынешней осени безудовольствие успехов нашего сельского хозяйства. Мы, жители больших городов, бывавшие на селе, особенно остро ощущаем сегодня оживление, и бы сказало, вдохновение сельского труженика. Хозяин земли! Он всегда мечтал о претворении этой формулы в действительность, и вот нынче ему открыты невиданные горизонты творческой инициативы...

Добрые зори дадут добрые всходы. Темпы, заданные сельскому хозяйству мартовским пленумом ЦК, не замедлят сказаться. 7-4 миллиона пудов хлеба — еще никогда наша страна не делала подобных заготовок! Хлеб — эта святая святых нашей жизни — обеспечит рост производства и других продуктов сельского хозяйства.

Сухие строки статистических данных... Но за ними — главное: возделыватель земли, хлебопашец на повседневном своем опыте убеждается в правильности сельскохозяйственной политики партии. Эту большую веру разделяют с крестьянином и тружеником заводов и фабрик. Работники промышленности своей родной Украины досрочно выполнили десятилетний план по общему объему производства и выпуску большинства важнейших видов продукции. Как я понимаю этот термин — «важнейшие виды продукции»? Я вижу здесь тракторы и комбайны, картофеле- и хлопкоборочные машины; я вижу за этим термином неунывающий спайку социалистической деревни и социалистического города. У нашей промышленности тоже есть веха, положившая начало коренным преобразованиям, открывшая простор экономической инициативе, — се-

Иосиф ИСНЕСВИЛИ

БАЛЛАДА О ПОЛОЖИТЕЛЬНОМ ГЕРОЕ

Я хочу вам поведать историю эту.
Правда, остроз коллизий в ней
проде бы нету,
В ней участвуют Рачин Ованесян
и (извольте простить
мне нескромность) — а сам,
Много дней по Армению
мы колесили.

По утрам на путях поезда голосили,
пели фабричные
бархатными голосами,
города на глазах одевались лесами,
и в сонми руках —
отнюдь не в мечтах —
штукатуры хозяйничали в облаках!
Нет, совсем не бездумный
промышленный Молох —
бился сердцем взволнованным
в кулуары —
и тогда этот грохот
казался нам гимном Труда!

...Как-то шли мы, беседа, по Еревану.
Пели дети у памятника Абовяну,
в парке старый садик оживал
розы.

У книжки студент покупал папиросы —
жизнь спешила вокруг налегке,
вплыхах, ну, а мы!
Мы беседовали о стихах.
Шум заводов и улиц тонул
в отдаленье. Увлекало нас в прошлое
стихотворенье...

Я сказал: «Как ни странно признание,
не сирью — день и ночь
я пишу для поэмы героя,
но покамест все тщетно,
и как ни лажу, ты поверишь ли, Рачин,
не нахожусь!»

Он ответил мне, что мол, вполне понимает,
что и сам от недуга такого страдает,
что, увы, без героя нет смыс-
ла поэме, и естествен возврат
к исторической теме. И тотчас же
сместив временные понятия,
глубь веков широко нам раскрыла объятья.
Что ж, во времени странствовать
волен поэт, и пределах фантазии, право же,
нет!

Шло вокруг настоящее,
нас не касаясь, наву созерцали мы древних
красавиц, выплывали их профили
из темноты, и в ночи
ударяли мечи о щиты...

Мы искали героев в XII веке:

«Войны древних —
вот творчества нашего вежи»
...Солнца шпарило с крыш
и над чем-то смеялось
и верхом на стропильном
крае катилось
поднималось строение вымы-
на глазах.

Ну а мы! Мы беседовали о стихах.
Позабыли обо всем,
мы искали героя.

Только вдруг появились какие-то трое,
шли в спешных они,
рукава засучив,
и насматывали популярный мотив.
Двое тут же свернули.
Но третий остался.
Он шагнул нам навстречу,
и он улыбнулся.

Видный парень нам встретился —
что говорил?
Он приблизился: «Можно у вас прикурить?»
Не был он ослеплен
в исторических битах,
ни щитов не носил он,
ни шлемов пробитых,
был известкой изрядно измазан
и все же был не горного дзая
ничуть не похож.

Нас собою он запах цемента и пота,
и улыбка его улыбалась эпоха —
мы героя искали,
не знали, как быть,
ну, а он!
Он у нас попросил прикурить!
Это было —
сошедшее вдруг озаренье:
город гулами ринулся в стихотворенье,
и — не просто прохожие
мимо шло —
люди застывший день
на глазах создавали!
Два поэта, стояли
мы на мостовой.
Нас роднило теперь
недовольство собой.
Как же это, послушайте,
в самом-то деле:
если вать Абовяна
и вать Руставели
и представить, что оба живут в наши дни —
как бы время такое
воспели они!
Только истинный гений —
и в этом причина —
а современники мог разглядеть
исполнил!

Мир один. Жизнь величественна и проста...
Что ж, спасибо тебе за науку,
Шота.

Вот история. Если же надобен вывод,
то асфальт ереванский
был ливнями вымыт,
и, веселый, в толпе окликая
кого-то, шел герой наш с работы...
А мы — на работу.

Перевел о грузинского
Вл. ДУГОВО

ОКТАБРЬСКИЕ ВСТРЕЧИ

ПАРЕНЬ ИЗ НАШЕГО ГОРОДА

Микола УПЕНИК

КОГДА же мы встретились впервые? И он, и я, два седых человека, перебираем в памяти минувшие годы. Больше трех десятилетий...

Наверное, у нашей дружбы начала и не было. Просто она существовала всегда. Подростками мы окончили школу, слесарили в родном Луганске. Вместе шли, как говорится, по стопам наших отцов, рабочих людей...

Одну встречу мы вспоминаем сразу. Помогает старая фотография, которую я бережно хранил до сих пор. Спасибо ей! Она как бы вырвала из прошлого миг нашей жизни. В тесном кругу земляков, запечатленных объективом фотоаппарата, находим себя — молодых, сильных, с черными чубами...

— Это было после моего возвращения из Испании, — улыбаясь мой собеседник. — Вы назвали меня Вольдемаром. Как там...

Дорогой мой друг, ты не знаешь, как мы, твои сверстники, тогда восматывались тобой, лентяем Володей Бобровым, парнем из нашего города. И когда шагали рядом по луганским улицам, каждый гордо выпячивал грудь, тогда орден Красного Знамени сверкал только на твоей...

Ты первым из нас вступил в бой с фашистами — еще в испанском небе.

А несколько лет спустя, ранним утром 22 июня 1941 года, когда я лежал в окопе у Буга рядом с товарищами из Тарласского стрелкового полка, в балтийском небе Бобров смеялся первым «Хейнкель». Так началось его второй ратный подвиг, продолжавшийся целых четыре года. На одно воздушное сражение провал он вместе со своим ведомым Мизаном Девятых, имя которого тоже стало легендарным: с группой воинов-политов этот храбрый захватил на аэродроме в лагере смерти Свинемюнде фашистский бомбардировщик и перелетел на родную землю.

В небе России и Латвии, Белоруссии и Украины, Румынии, Польши и Чехословакии Владимир Бобров — офицер прославленной 2-й воздушной армии — сбил 30 гитлеровских самолетов лично и 20 — в группе. Нава Великую Отечественную уничтожил немцев «Хейнкель» в Прибалтике, он закончил ее, сразив в мае 1945 года «Фокке-Вульф» над Прагой.

...Мы встретились после войны опять в Луганске. На его полковничьем кителе я увидел орден Отечественной войны, орден Красного Знамени, орден Кутузова и Александра Невского...

Что делает сегодня Владимир Иванович Бобров, наш замечательный современник, парень из нашего города? Сейчас В. Бобров — член Совета комсомола, руководящий на Украине республиканским райкомом юных следопытов, директор Харьковского экспериментально-механического завода.

Новая встреча с ним произошла буквально на днях в Киеве, в канун Октябрьских торжеств. Мы сидели за семейным столом, вспоминая минувшие годы и думали о будущем.

— Понимаешь, есть приказ, — говорит он по-военному. — Назначили меня заместителем директора Государственного института по проектированию коммунальных сооружений Украины. Подумай, добавляет: «Буду ведомым... Работы уйма!» Я не думалось, и с таким же жаром он знает. Этот человек не может сидеть сложа руки. Он всегда устремлен вперед и вверх. Счастливого ему полета! КИЕВ

Но наш человек силы трезво взглянул на себя, начал все сначала. Пошел работать простым обзвончиком. Выбрав его люди депутатом, а потом председателем сельского Совета. А теперь он снова председатель ставшего за короткое время передовым колхоза.

У нас в Казахстане называют Алдабергенова в шутку «Давидом-строителем». На войне он строил блиндажи и укрепления, а после войны — мосты, дороги, дома... В колхозном ауле сейчас вполне современная школа-интернат, детский сад, электростанция, сооружены каменные дома для колхозников.

Я всегда вижу этого богатыря в деловом, в заботливом, в открытой лопатой под палящими казахскими солнцем. И не перестаю ему удивляться. Его энергия, строгая доброта, неутомимость.

Ищу героя, спорю с ним писателем, критиком, читателем. Покажите, говорят, нам настоящего героя. Я знаю такого героя, человека, рожденного социализмом, преданного ему, настоящего коммуниста, человека ясного ума и большой души. АЛМА-АТА

СТРОИТЕЛЬ

Сабит МУКАНОВ

Я ПОЗНАКОМИЛСЯ с этим человеком в конце сороковых годов. С тех пор нас связывает большая дружба. Кажется, все о нем знаю. И все-таки каждый раз, встречаясь с ним, я не перестаю ему удивляться: так значительна, интересна, драматична его жизнь.

Несколько лет назад я написал о нем поэму, а в журнале «Жульдыз» будет напечатан мой очерк об этом замечательном человеке. Я убежден, что он по праву может стать героем, подлинным героем еще не одного художественного произведения. И сегодня мне опять хочется говорить о нем. Кто же он? Это Нурмолда Алдабергенов, дважды Герой Социалистического Труда, председатель колхоза имени Карла Маркса Алма-Атинской области.

Один из тружеников сельского хозяйства, подготовивший великий урожай нынешней осени. Имя председателя широко известно не только в Казахстане, но и за его пределами. До революции Нурмолда был неграмотным батраком, а грамоту осваивал уже при Совете в лихорадке: прошел войну простым солдатом и получил много наград; потом стал председателем колхоза и сделал его экономически мощным и высокультурным.

Я люблю Нурмолду за его неузурданный характер, большое мужество и бесстрашие к себе. Суровое испытание пришлось на его долю — испытание слепотой. На каждому человеку достается оно. Кому много дано, с того много и спрашивается. Поэтому не могли друзья и соратники по труду пройти мимо застенка, пренебрежения к людям, которых в какое-то время стал грабить Алдабергенов, и не простили ему допущенных ошибок.

Тяжкие дни были в жизни моего друга. Герою, человеку знаменитому, не так-то просто было пережить затмение своей славы.

В тот же день в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца был вручен орден Трудового Красного Знамени писателю П. Г. Антокольскому — за заслуги в развитии советской литературы и в связи с 70-летием. За заслуги и

развитии советской литературы и в связи с 80-летием со дня рождения орден Трудового Красного Знамени получил писатель А. П. Штейн, а орден «Знак Почета» — писатели Н. В. Богданов, Л. А. Кудрявцев, А. В. Казанцев, С. Н. Марков.

НАГРАДЫ ВРУЧЕНЫ

4 ноября в Большом Кремлевском дворце состоялось вручение орденов и медалей Советского Союза.

Орден Ленина получил поэт С. И. Кирсанов, награжденный за заслуги в развитии советской литературы и в связи с 80-летием со дня рождения.

В тот же день в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца был вручен орден Трудового Красного Знамени писателю П. Г. Антокольскому — за заслуги в развитии советской литературы и в связи с 70-летием. За заслуги и

Леонид ВЫШЕСЛАВСКИЙ

ЗРЕЛОСТЬ

тябрьский (1965 г.) пленум ЦК нашей партии. Экономические реформы, одобренные XXIII съездом, — залог нашего движения вперед, залог дальнейшего роста могучества Советского государства, его международного авторитета.

Зрелость — вот, на мой взгляд, самая характерная черта в нынешнем духовном облике наших людей. Зрелость отличает и ту область, где этот облик выявляется особенно ярко: искусство.

Сегодня художественное творчество (в первую очередь, естественно, я думаю о нашей литературе и особенно о нашей поэзии) по-настоящему осознано свою специфику, свои, только ему присущие, особенности.

«Поэт, — говорил Блок, — величина неизменная. Могут устареть его язык, его приемы; но сущность его дела не устареет». В чем же сущность дела поэта? В том, чтобы приобщать людей к прекрасному. А что прекрасное истинно, что прекрасное истинно коммунистического идеала? Прекрасное — великая социальная сила, создающая внутренний мир человека.

Короче говоря, вся наша сегодняшняя литература не на словах, а на деле, всем своим существом осознает, что она не просто провозглашает определенные положения, а делает нечто гораздо большее: формирует душу человека. Время «зрелости суровой» сказывается у нас во всей духовной жизни общества, в том числе и в возрождении таких важнейших отраслей научных знаний, как социальная психология, как многие отрасли социологии и естествознания, безусловно сопрягающиеся (подчас в очень большой мере) со спецификой художественного творчества.

Наша литература открыла возрастанию ее народу немало новых, освещенных чудотворной силой искусства, новых миров. На этих планетах есть грозный Маяковский, весна Ушакова и зима Соколов, березы Есенина и розы Рыльского, север Заболоцкого и Крым Сельвинского, заснеженные ели Смелякова и лукоморье Мартынова. И говорю только о поэзии, а как богата наша проза, как богаты все жанры нашей многонациональной литературы!

Землепашец знает: нелегко плодам созреть в полную силу. Трудно взрастить их. Чего не бывает и засуха, и холод, и гусеница. Но полувековой опыт развития нашей литературы говорит, что плоды ее вызревали и выдерживали все испытания лишь тогда, когда мы не забывали ленинское указание о партийности литературы, когда в то же время помнили о том, что в литературном деле необходимо обеспечение большего простора личной инициативе, индивидуальным склонностям, простора мысли и фантазии, форме и содержанию.

Чем больше всматриваешься в плоды нашей литературы, которыми мы теперь столь широко пользуемся, называя их советской классикой, тем больше убеждаешься, что в них дан объективно верный, предельно образ нашего века. Завоевания нашего искусства — это ценности, служащие народу. Искусство в нашей стране всегда оставалось верным истинным устремлениям советского человека, выражало эти устремления.

Большой опыт нашей художественной литературы — литературы социалистического реализма — показывает, что наивысшие достижения она завоевала там, где художник проник в правду жизни с позиций коммунистического идеала. Партия снова и снова призывает нас укреплять связи литературы с правдой жизни, с практикой коммунистического строительства. Наш творческий союз, стоящий сегодня на пороге своего IV съезда, должен продолжать работу по консолидации всех сил нашей литературы, по пропаганде такого искусства, которое действительно формирует духовный облик строителя коммунизма.

Осень нынешнего года — особая осень. Никогда еще мы так строго не оценивали самих себя, и того, что сделано, и того, что должно быть сделано. И это не случайно: зрелость вступает в свои права.

Е. ДРАБКИНА

НА МОЕЙ книжной полке стоят пятьдесят пять томов в синих переплетах, на корешках которых написано: «Ленин». Благодаря огромной работе, проделанной для издания Полного собрания сочинений В. И. Ленина, мы теперь, как никогда раньше, можем приобщиться к сокровищнице ленинской мысли.

Передо мной труднейшая задача — я хочу познакомиться, как сумеем, с этими томами, которые называются годами перехода к новой экономической политике и которые были последними годами жизни Владимира Ильича Ленина.

С какого же времени начать чтение?

Начну ее с осени двадцатого года. И даже точнее: с первого сентября.

Первого сентября двадцатого года Владимир Ильич Ленин написал в библиотеку Румянцевского музея записку, в которой просил выдать ему на ночь, когда библиотека закрыта, два словаря греческого языка — греческого на немецкий, французский, русский или английский; словарь философских терминов на немецком, французском, английском и русском языках и книги Целлера и Гегеля по истории греческой философии, обещаая вернуть все эти книги к утру.

В этот день первого сентября Ленин выступил с докладом о текущем моменте на II Всероссийском съезде работников просвещения и социалистической культуры и участвовал в заседании Политбюро Центрального Комитета партии.

На заседании Политбюро об-

Из книги о Ленине «Ленинские переписки», которая будет публиковаться в журнале «Новый мир».

суждалось много вопросов: меры к более строгой охране шифрованных сообщений, идущих военнопериодической и дипломатической почтой; поездка Михаила Ивановича Калинин на Кубань; ходатайство Наркомпрода о партийной мобилизации на продовольственный фронт и об освобождении продовольственных работников от военной мобилизации; состав новой делегации для переговоров с Польшей; создание Комиссии по изучению истории Октябрьской революции; военное положение — и еще много других вопросов, в равной степени важных и от истории греческой философии, и от словарей философских терминов.

Почему же Ленин просил в такой день прислать ему философские словари и книги по греческой философии? В какой-то мере это было, вероятно, связано с тем, что он собирался написать предисловие к новому изданию своего книги «Материализм и эмпириокритицизм».

Мысль о переиздании «Материализма...» зародилась у него еще летом в связи с тем, что А. Богданов развил усиленную пропаганду своих взглядов под видом учения о «протетарском излечении» и выпустил в 1918—1920 годах ряд книг.

Сначала Ленин предполагал, что он займется разбором взглядов Богданова сам и сделает это в предисловии к новому изданию «Материализма...», но из-за отсутствия времени поручил этот разбор В. И. Невскому.

К первому сентября статья Невского «Диалектический материализм и философский чертотравник» была уже готова, и Ленин должен был написать только предисловие ко второму изданию своей книги. Он написал его то ли в ночь с первого на вто-

рое сентября, то ли утром второго сентября.

Предисловие это небольшое — всего полстранички. Чтобы написать его, греческие и философские словари, равно как и книги по истории и греческой философии, Ленину не были нужны.

Значит, была у него какая-то другая мысль, которая, быть может, родилась, когда он решил переиздать «Материализм...». О чем-то он думал или что-то задумал. Что? Этого мы не знаем и не узнаем никогда.

Но как властно потянуло его к философии, если он решил отдать ей такую ночь, как ночь с первого на второе сентября двадцатого года?

А потом — сколько прошло времени? Час? Два? Вся ночь? Ленин со вздохом погрузился в книги: ничего не подаетесь, времени нет.

Бывало у него такое выражение лица, преданное одной из фотографий двадцатого года: он слегка наклонил голову, смотрит вниз, задумчивым, ушедшим в себя взглядом.

То ли в тот день, то ли накануне его мы группа работников комсомола, случайно встретили Ленина. Было это в Кремле, недалеко от Царь-колокола.

Только что закончился II конгресс Коминтерна, во время которого проходило несколько международных конференций, в том числе молодежная. На ней решено было каждый год в первое воскресенье сентября проводить международный юношеский день.

Мы шли от Большого Кремлевского дворца по направлению к Троицким воротам, когда увидели Владимира Ильича. Порывавшись с нами, он остановился, спросил о наших делах.

Содержания этого разговора я

не помню. Помню лишь слова Гегеля, которые привел Владимир Ильич: «Достижение сам того, что унаследовал от своих отцов, тогда только оно будет твоим».

Прошло два года. Снова осень, сентябрь. Владимир Ильич в Горках. Оправляется от тяжелой болезни.

Он заболел еще в конце мая. К середине июня наметилось медленное, но стойкое улучшение. Минувал июль, наступил август. Владимир Ильич окреп, часто уходил на дальние прогулки. Много читал: в списках книг, которые он просил ему прислать, около полустарта названий русских, немецких, французских, английских и итальянских газет и журналов, два тома Маркса и Энгельса, «Феноменология духа» и «Наука логики» Гегеля.

По рассказам тех, кто видел его в эти дни, он был бодр, оживлен, жадно расспрашивал обо всем на свете, весело хохотал, ругал врачей за режим, который они для него установили. Побывавшему у него пятого сентября М. И. Калинин сказал, что надеется вернуться к работе в октябре, хотя опасается, как бы врачи не запретили. Решить консилиум, назначенный через неделю.

После тщательного осмотра больного и долгого обсуждения консилиум разрешил ему вернуться к работе с первого октября.

Легко представить нетерпение, с которым ждал Владимир Ильич наступления заветной даты.

В последние дни перед возвращением в Москву он посылал работникам Совнаркома записку за запиской, просил все подготавливать так, чтобы он мог сразу включиться в работу.

Второго октября Владимир Ильич вернулся в Москву. Если

бы его спросили, какие чувства он испытывает, наверно, он мог бы ответить словами так любимого им Бетховена: «Я вновь зазеленел».

Два дня спустя, четвертого октября 1922 года, в «Правде» появилась небольшая заметка, напечатанная где-то посередине четвертой страницы.

«Тов. Ленин приступил к работе. Вчерашнее заседание Большого Совнаркома происходило под непосредственным председательством Владимира Ильича Ленина».

В. И. Ленин фактически вернулся к исполнению обязанностей председателя Совнаркома.

Вест о возвращении Владимира Ильича мгновенно разнеслась по Москве. Какой восторг она вызвала! С тех пор, как он заболел, вся страна, притаив дыхание, прислушивалась к тому, что происходит в Горках. На собраниях еще задолго до начала стол президиума был заведен записник, в которых на разные лады задавался один и тот же вопрос: «Как здоровье товарища Ленина? Скоро ли Ильич вернется к работе?» Почта ежедневно приносила в Кремль пачки писем, авторы которых посылали Владимиру Ильичу «протетарское слово приветия» и желали поскорее выздороветь и вернуться «на пост рулевого Советской России и градской мировой революции».

И вот он вернулся!

Никаких манифестаций по этому поводу не устраивали, но как-то само собой получилось, что к вечеру толпы народа заполнили Красную площадь. Никто не произносил речей, просто всем было очень радостно.

Среди вопросов, которыми занимался Владимир Ильич в месяцы, прошедшие между его возвращением в Москву и новым приступом болезни, были и мелкие (в семье Ульяновых их шут-

ливо прозвали вопросами «о мелких кожах»), и крупные — такие, как денежная реформа; ей посвящены первые постановления правительства, подписанные Владимиром Ильичем после его возвращения к работе. Были вопросы, которые его особенно волновали: об образовании Союза Советских Социалистических Республик и о монополии внешней торговли.

И был вопрос, о котором он в то время почти не писал, но к которому, как это можно увидеть, сопоставив ряд фактов, отнеслись с сугубым вниманием.

Я говорю о проблеме культуры.

События развивались следующим образом: в последние дни сентября, когда Владимир Ильич жил еще в Горках, в «Правде» появилась статья председателя «Пролеткульта» В. Ф. Плетнева. В сущности, в потому особо выпуклой форме Плетнев изложил в ней программные воззрения руководителей «Пролеткульта».

Цель и задачи «Пролеткульта», считал Плетнев, состоят в творчестве новой, пролетарской культуры, не имеющей ничего общего с культурой буржуазной. Разрешить эту задачу можно только силами самого пролетариата, ибо классовая психология пролетариата является

коллективно-классовой и сознательно-творческой. Пролетарият обладает совершенно новым, неисчерпаемым источником энергии: он знает, что удар количеством руды или угля, руды и угля дадут в доме чуток, из дома — в поте-чет молоко или вода; чуток даст железо, сталь; последние претворятся в машину, машина даст возможность победить сопротивление материи, а в субботу будет лугушка.

«Пролеткульт», — утверждал Плетнев, — и является той лабораторией, в которой пролетарий должен творить собственную культуру и науку, принципиально противоположные культуре и науке других классов. ...Отрицая с исторической и научной точки зрения все старые системы наук, пролетариат создает свою классовую науку, новую науку пролетариата».

Читая эту статью Плетнева, Ленин испытывал ее замечаниями и в тот же день послал со своими пометками редактору «Правды» Бухарину.

«Посылаю Вам сегодняшнюю «Правду», — писал Владимир Ильич в сопроводительном письме. — Ну зачем печатать глупости под видом важного и важного учения и модными словами фальсификация? Отме-

нуйте, пожалуйста, статью Плетнева».

Вот он вернулся!

Никаких манифестаций по этому поводу не устраивали, но как-то само собой получилось, что к вечеру толпы народа заполнили Красную площадь. Никто не произносил речей, просто всем было очень радостно.

Среди вопросов, которыми занимался Владимир Ильич в меся-

цы, прошедшие между его возвращением в Москву и новым приступом болезни, были и мелкие (в семье Ульяновых их шут-

ливо прозвали вопросами «о мелких кожах»), и крупные — такие, как денежная реформа; ей посвящены первые постановления правительства, подписанные Владимиром Ильичем после его возвращения к работе. Были вопросы, которые его особенно волновали: об образовании Союза Советских Социалистических Республик и о монополии внешней торговли.

И был вопрос, о котором он в то время почти не писал, но к которому, как это можно увидеть, сопоставив ряд фактов, отнеслись с сугубым вниманием.

Я говорю о проблеме культуры.

События развивались следующим образом: в последние дни сентября, когда Владимир Ильич жил еще в Горках, в «Правде» появилась статья председателя «Пролеткульта» В. Ф. Плетнева. В сущности, в потому особо выпуклой форме Плетнев изложил в ней программные воззрения руководителей «Пролеткульта».

Цель и задачи «Пролеткульта», считал Плетнев, состоят в творчестве новой, пролетарской культуры, не имеющей ничего общего с культурой буржуазной. Разрешить эту задачу можно только силами самого пролетариата, ибо классовая психология пролетариата является

коллективно-классовой и сознательно-творческой. Пролетарият обладает совершенно новым, неисчерпаемым источником энергии: он знает, что удар количеством руды или угля, руды и угля дадут в доме чуток, из дома — в поте-чет молоко или вода; чуток даст железо, сталь; последние претворятся в машину, машина даст возможность победить сопротивление материи, а в субботу будет лугушка.

«Пролеткульт», — утверждал Плетнев, — и является той лабораторией, в которой пролетарий должен творить собственную культуру и науку, принципиально противоположные культуре и науке других классов. ...Отрицая с исторической и научной точки зрения все старые системы наук, пролетариат создает свою классовую науку, новую науку пролетариата».

Читая эту статью Плетнева, Ленин испытывал ее замечаниями и в тот же день послал со своими пометками редактору «Правды» Бухарину.

«Посылаю Вам сегодняшнюю «Правду», — писал Владимир Ильич в сопроводительном письме. — Ну зачем печатать глупости под видом важного и важного учения и модными словами фальсификация? Отме-

нуйте, пожалуйста, статью Плетнева».

Вот он вернулся!

Никаких манифестаций по этому поводу не устраивали, но как-то само собой получилось, что к вечеру толпы народа заполнили Красную площадь. Никто не произносил речей, просто всем было очень радостно.

Среди вопросов, которыми занимался Владимир Ильич в меся-

цы, прошедшие между его возвращением в Москву и новым приступом болезни, были и мелкие (в семье Ульяновых их шут-

ливо прозвали вопросами «о мелких кожах»), и крупные — такие, как денежная реформа; ей посвящены первые постановления правительства, подписанные Владимиром Ильичем после его возвращения к работе. Были вопросы, которые его особенно волновали: об образовании Союза Советских Социалистических Республик и о монополии внешней торговли.

И был вопрос, о котором он в то время почти не писал, но к которому, как это можно увидеть, сопоставив ряд фактов, отнеслись с сугубым вниманием.

Я говорю о проблеме культуры.

События развивались следующим образом: в последние дни сентября, когда Владимир Ильич жил еще в Горках, в «Правде» появилась статья председателя «Пролеткульта» В. Ф. Плетнева. В сущности, в потому особо выпуклой форме Плетнев изложил в ней программные воззрения руководителей «Пролеткульта».

Цель и задачи «Пролеткульта», считал Плетнев, состоят в творчестве новой, пролетарской культуры, не имеющей ничего общего с культурой буржуазной. Разрешить эту задачу можно только силами самого пролетариата, ибо классовая психология пролетариата является

коллективно-классовой и сознательно-творческой. Пролетарият обладает совершенно новым, неисчерпаемым источником энергии: он знает, что удар количеством руды или угля, руды и угля дадут в доме чуток, из дома — в поте-чет молоко или вода; чуток даст железо, сталь; последние претворятся в машину, машина даст возможность победить сопротивление материи, а в субботу будет лугушка.

«Пролеткульт», — утверждал Плетнев, — и является той лабораторией, в которой пролетарий должен творить собственную культуру и науку, принципиально противоположные культуре и науке других классов. ...Отрицая с исторической и научной точки зрения все старые системы наук, пролетариат создает свою классовую науку, новую науку пролетариата».

Читая эту статью Плетнева, Ленин испытывал ее замечаниями и в тот же день послал со своими пометками редактору «Правды» Бухарину.

«Посылаю Вам сегодняшнюю «Правду», — писал Владимир Ильич в сопроводительном письме. — Ну зачем печатать глупости под видом важного и важного учения и модными словами фальсификация? Отме-

нуйте, пожалуйста, статью Плетнева».

Вот он вернулся!

Никаких манифестаций по этому поводу не устраивали, но как-то само собой получилось, что к вечеру толпы народа заполнили Красную площадь. Никто не произносил речей, просто всем было очень радостно.

Среди вопросов, которыми занимался Владимир Ильич в меся-

цы, прошедшие между его возвращением в Москву и новым приступом болезни, были и мелкие (в семье Ульяновых их шут-

ливо прозвали вопросами «о мелких кожах»), и крупные — такие, как денежная реформа; ей посвящены первые постановления правительства, подписанные Владимиром Ильичем после его возвращения к работе. Были вопросы, которые его особенно волновали: об образовании Союза Советских Социалистических Республик и о монополии внешней торговли.

И был вопрос, о котором он в то время почти не писал, но к которому, как это можно увидеть, сопоставив ряд фактов, отнеслись с сугубым вниманием.

Я говорю о проблеме культуры.

Три фотографии. Их разделяют немногие годы. Но исторические события в жизни первого в мире Советского государства совершаются с быстротой невиданной. И на снимках — словно разные эпохи.

Так было... Так стало...

Две верхние фотографии — печатные картинки Москвы в 20-е годы.

Москва сегодня.

Фото М. Тразмана, А. Шайхата

ВРЕМЯ, ВПЕРЕДИ!

ВРЕМЯ, ВПЕРЕДИ!

ВРЕМЯ, ВПЕРЕДИ!

ВРЕМЯ, ВПЕРЕДИ!

ВРЕМЯ, ВПЕРЕДИ!

ВРЕМЯ, ВПЕРЕДИ!

ВРЕМЯ, ВПЕРЕДИ!

ВРЕМЯ, ВПЕРЕДИ!

ВРЕМЯ, ВПЕРЕДИ!

ВРЕМЯ, ВПЕРЕДИ!

ВРЕМЯ, ВПЕРЕДИ!

ВРЕМЯ, ВПЕРЕДИ!

ВРЕМЯ, ВПЕРЕДИ!

ВРЕМЯ, ВПЕРЕДИ!

ВРЕМЯ, ВПЕРЕДИ!

ВРЕМЯ, ВПЕРЕДИ!

ВРЕМЯ, ВПЕРЕДИ!

ВРЕМЯ, ВПЕРЕДИ!

ВРЕМЯ, ВПЕРЕДИ!

ВРЕМЯ, ВПЕРЕДИ!

ВРЕМЯ, ВПЕРЕДИ!

ВРЕМЯ, ВПЕРЕДИ!

ВРЕМЯ, ВПЕРЕДИ!

Комета Амбурова — Юрлова появилась между созвездиями Кассиопеи и Андромеды в апреле 1939 года. Период ее обращения вокруг Солнца 7 000 лет.

Появление кометы прозвали астрономы всего мира. Возможно, она ушла бы незамеченной в просторы Вселенной, если бы... Но я вернусь к этой комете немного позже... А пока...

13 ВСЕХ заманчивых путешествий — самое пленительное в собственную юность. Тридцать лет собирался пройти я по родным тропам. Все это время во мне жил радостный и тревожащий зеленый зов вятских лесов, мягкий блеск камских вод, вавилонские воспоминания о бурях гражданской войны, костры первых пятилеток, имена друзей-комсомольцев тридцатых годов.

И вот нынче летом бродил я по Ижевску. Над тротуарами цвели древние липы. Их запах пьянил и бодрил. Всю ночь над городом ухал многотонный молот металлургического завода. Перед рассветом молот смолк, и сразу стало не хватать городу его напряженного трудового ритма.

Ижевск проснулся весь в росной зелени, в одиноком стрекоте мотоциклов. Все казалось в городе новым, все неожиданно. Новые массы мотоциклистов, изогнутые трубы новых заводов, телевизионные вышки, еще не погасившие разноцветных огней. Улицы ушли за крутые холмы, в основную лесу, окружили гигантское зеркало пруда. Чтобы вернуться в прошлое, нужна какая-то точка, живущая в памяти. Я нахожу такую точку. Это украшенная колоннами башня проходных ворот у машиностроительного. Она высится четырехэтажной громадой над плотной, над толпой.

Я смотрю на башню, но вижу двуглавого орла с прозеленевшими крыльями. И вспоминаю: Октябрьский вихрь сорвал орла на землю. Белые летом восемнадцатого года водрузили его на прежнем месте. Красные, освободив Ижевск, снова свергли бронзового хищника. Но Ижевск захватили колючковцы, и орел опять взлетел на башню. В июне девятнадцатого красные вторично освободили город, и в третий раз орел был сброшен. Они вывели царский герб на середину пруда и утопили. Так и лежит он в глубине — холодный, мертвый символ самодержавия. А может, стоит поднять двуглавого орла и поместить в музей? Пусть напоминал бы он, как деды и отцы боролись за свободу детей и внуков. Почему бы не сохранить нам и символы... отрицательного значения? Вот написал «символы отрицательного значения» и невольно задумался. Только вчера спорили мы на эту тему с Флором Васильевым. Поэт и редактор комсомольской газеты страстно доказывали:

— Символы, символы! Для меня ла-

поть более близок, он тоже символ, только

и завываешь бомб, и минный шквал,

Забуду ж, как я — по сути, —

Убийца астрала, тоже убивал!

Тех таинких лет кровавая страда

Врубилась в мое сердце навсегда...

Но останет счастье — и залитчик

блестит.

Да, я люблю дорогу через поля,

Где асфальдом нежным дым пролет

кокур,

Люблю под синим небом дышать

плуг,

Мелодию незлазья любого звонка,

И садов гуд, и первый крик

ребенка,

И радуюсь язве — но той язве,

Что родилась в любви, а не

в грозе!

Мечта и поиск в сердца —

словно гром.

И снова путь, пусть даже

нигилад,

И снова труд. Ведь я — лишь

сын народа,

Я лишь ласточка на дубе зловещем.

Перевел с украинского

В. ЖОРЧАГИН

отрицательного значения. Ведь в нашем классическом лапотно крае сейчас ни за какие коврижки не купишь лаптей.

Лапотный край! Поглощено безграмотные ватки. Дремучее невежество! Лешие и водяные жили в песнях и сказках, но казались реальными.

Машина мчит нас с Васильевым по улицам, уходящим в сосновые леса. Квадраты многоэтажных зданий смотрятся такими же новыми, будто с голодных дождей. Мелькают корпуса заводов комбинатов. Перед глазами город-спутник удмуртской столицы — в нем живут рабочие и инженеры крупнейшего в нашей стране завода бумагоделательных машин. Рядом заметнулись подъемные краны другого гиганта — завода малолитражных автомобилей. Сотни тысяч их будет выпускать Ижевск. Первые машины появятся уже нынче. И снова заводы. И еще, и еще! Уже давно нет утренней, нарушаемой одиночными звуками тишины. Мимо проносятся сотни машин, шумит стремительный поток мотоциклов — ижевцы гордятся ими. Не зря их мотоциклы славятся во всем мире.

Удмуртия живет теперь радиотехникой, электронной, космосом, — говорит Васильев. — Знаешь ли ты то, что изобретатель радиолонатора Павел Кондратьевич Ошепков — наш земляк?

— А как же англичане? Ведь Черчилль объявлял на весь мир, что англичане создали радар. И мы не возражали против английского приоритета.

— К сожалению, не возражали. Только наш приоритет восстановили американцы. Американские ученые Хогертон и Раймонд возвратили нам пальму первенства. В своей книге «Когда Россия будет иметь атомную бомбу?» (вот еще когда!) они писали: «Советские ученые успешно разработали теорию радара за несколько лет до того, как радар был изобретен в Англии». Над проблемой радиолокации Ошепков работал в тридцать втором году. Маршал Тухачевский и Сергей Минюков. Кипучий подержали гениальную идею Ошепкова.

Васильев смекает, сосредоточив свое внимание на личном движении. На правой стороне — ширенат красных, белых, голубоватых домов, освещенных огнями электротрансформации. А на левой — дубовые рошчи, медноцветный сосняк, поляны со стоками сена, желтые стан ромашек. Наш автомобиль ныряет под густые, просвеченные солнцем ветки, и снова во мне возникает зеленый зов природы. Он живет в сердце, в глазах, танцует в кустах орешника, позванивает ясной водой речушки. Речушка страшно напоминает другую, любимую с детства, лесную реку Кильмезь.

Там, на Кильмезе, затерялась малосенькая деревушка Кейлуд. В этой деревушке родился крупный физиолог космоса

Василий Васильевич Парин. И он когда-то

бродил по кильмезским лесам, удил красноперых окуней. Это было в начале великой революции. Как и многие мои сверстники, он в лаптях и аязме ушел учиться. У людей моего поколения были тяжелые поражения, но есть и сияющие победы. Академик Парин, проважавший в исторические полеты Юрия Гагарина, и Германа Титова, и Павла Белыева, всей своей жизнью утверждает это. Да, истина, о космонавте Белыеве.

— Правда ли, что Павел Белыев учился в Сарапуле?

— Самая святая правда, — ответил Васильев. — Вот бы съездить в Сарапул. Сверил бы наши звездные часы по старинному купеческому городу...

САРАПУЛ — па-тариски — желтая рыба, Сарапульскую стерлядь возили

живой к столу Петра Первого и Екатерины Второй. Сперва казалось — ничто не изменилось в Сарапуле за тридцать последних лет. Те же тихие улочки, са

